

Глава 20. Поднимать руку на человека – всегда неправильно. «На самом деле я никогда не менялся»

В седьмой год правления Цзинхэ, в день Цинмин, Вэнь Си и Янь Фэнъянь случайно встретились в Таошугоу. Тогда между ними впервые возникла связь. Позже, в том же году, на праздник Дуанью они снова столкнулись в деревне.

На этот раз Вэнь Си выглядел ещё более жалко, чем при их первой встрече.

Тогда он весь грязный и растрёпанный, соскабливал с персикового дерева смолу и ел её. Теперь же Ли Цяочжэнь вцепилась ему в руку и, размахивая ивовым прутом, избивала его прямо на деревенской дороге, по которой ходили все жители. Вэнь Си катался по земле, пытаясь увернуться от ударов, и пронзительно кричал от боли.

Когда кто-то спросил, что случилось, Ли Цяочжэнь грубо оттянула Вэнь Си за уголок рта и заявила, что он, будучи обжорой, украл и съел лепёшку из маша, которую Вэнь Лю привёз из уездного города.

Лепёшки из маша были традиционным летним лакомством на праздник Дуанью. Богатые люди в городе в этот день не только ели цзунцзы и солёные утиные яйца, но и непременно угощались такой лепёшкой, желая себе здоровья и благополучия.

Вэнь Лю уже два года учился. Толком знаний из книг он так и не приобрёл, зато всевозможные изящные светские привычки перенял очень быстро. Возвращаясь домой на праздник, он потратил деньги и купил три лепёшки из маша.

Они были очень сладкими — съесть целую лепёшку одному человеку было непросто. Чтобы не пропадало добро, Ли Цяочжэнь разрезала каждую лепёшку на четыре кусочка. После того как все съели по одному, на блюде остался ещё один кусочек.

Вэнь Си прекрасно понимал своё положение в семье и, конечно же, не был настолько наивен, чтобы думать, будто этот кусочек оставили для него.

Понимать — одно, а справиться со своими желаниями — совсем другое.

В праздничный день все ели цзунцзы и лакомились сладостями, а Вэнь Си мог лишь молча на это смотреть. Когда голод становился нестерпимым, он пил побольше холодной воды. Но вода была безвкусной — кроме тяжести в животе, она ничего не приносила. От голода у него кружилась голова, хотя перед глазами лежал тот самый кусочек лепёшки.

Как тут устоять?

Убедившись, что никто не смотрит, он быстро сунул кусочек в рот. От страха Вэнь Си даже не посмел распробовать его как следует — проглотил почти не жуя, он запомнил лишь едва уловимую сладость.

Голод никуда не исчез.

Зато этот кусочек принёс ему большую беду.

Лепёшки из маша стоили дорого. Разве такой ничтожный человек, как он, имел право есть подобное? Стоило только отвернуться и лакомство уже исчезло. Ли Цяочжэнь пришла в бешенство и принялась гоняться за ним по всему двору, избивая прутом.

Каждый человек стремится выжить.

Дома никто не собирался её останавливать. Вэнь Си боялся, что ослеплённая гневом мать попросту забьёт его до смерти, поэтому бросился бежать, надеясь встретить хоть одного добросердечного соседа, который спасёт ему жизнь.

Таких людей в деревне было немало.

Но тех, кто действительно осмелился вступить за него, оказалось единицы.

Ли Цяочжэнь умела так грязно ругаться, что никто не хотел из-за чужих семейных дел навлекать неприятности на себя. К тому же подобные сцены повторялись каждые несколько дней — разве можно было каждый раз вмешиваться?

Когда надежды на соседей уже не осталось, Вэнь Си вдруг вспомнил юношу, который однажды дал ему паровую булочку и научил писать несколько иероглифов.

Он знал, где живёт плотник Янь.

Не раздумывая, он бросился на запад. Ли Цяочжэнь с проклятиями понеслась следом.

Такой шум не мог остаться незамеченным, поэтому семья Янь, конечно же, вышла посмотреть, что происходит.

Прут раз за разом опускался на Вэнь Си, оставляя на его руках и голених длинные кровавые полосы.

От увиденного сердце Янь Фэнъяня болезненно сжалось.

Он шагнул вперёд, крепко схватил Ли Цяочжэнь за запястье и сильным рывком отбросил её назад на несколько шагов, после чего заслонил собой Вэнь Си.

— По какому праву вы так его избиваете?!

Ли Цяочжэнь пошатнулась, но быстро удержалась на ногах. Уперев руки в бока, она презрительно ответила:

— Я его мать. И по-твоему, у меня нет права его бить?

— Даже если вы его мать, это не даёт вам права избивать человека! — громко возразил Янь Фэнъянь.

Ли Цяочжэнь презрительно фыркнула.

— Он украл еду. Я всего лишь воспитываю собственного сына. Что здесь неправильного? Да кем ты себя возомнил, что лезешь в чужую семью?

В то время Янь Фэнъянь ещё не получил степень сюэя и был всего лишь обычным учёным. Ли Цяочжэнь и не думала проявлять к нему уважение.

Увидев, что он продолжает заслонять собой Вэнь Си, она насмешливо сказала:

— Похоже, книжки тебе совсем голову задурили. Я его родила, я его вырастила. Захочу — побую, захочу — обругаю. Какое дело до этого тебе, постороннему человеку? Не можешь

смотреть? Тогда забирай его! Забирай к себе домой! Хочешь защищать — защищай сколько душе угодно!

Чэнь Ланьфан прекрасно знала, что из её рта ничего хорошего не услышишь. Хотя ей было искренне жаль Вэнь Си, она не хотела, чтобы сын оказался втянут в чужие семейные распри, поэтому поспешила вмешаться:

— Ну и смешно же! Кому вообще нужны ваши семейные дразги? Если уж собралась бить ребёнка, тащи его домой и бей там. Что вы устроили у наших ворот? Праздник людям портите! Одно невезение приносите!

Семья Янь жила зажиточно, и Чэнь Ланьфан всегда держалась гордо, словно важный петух во дворе. Ли Цяочжэнь давно точила на неё зуб, просто раньше не находилось повода сцепиться.

Теперь же такой повод появился.

Услышав слово «невезение», она тут же огрызнулась:

— Это я невезение? А вы что, великое сокровище?

Она прекрасно знала, что младший сын — самая большая драгоценность Чэнь Ланьфан, поэтому сразу перевела удар на Янь Фэнъяня.

— Обычно твой сын только и делает, что утыкается носом в книги, ни на кого и смотреть не желает. Так почему же сегодня он вдруг решил заступиться именно за нашего Си-гера? Уж не потому ли, что у него на уме какие-то грязные мысли?

Она дважды презрительно цокнула языком и сплюнула.

— Нашему Си-геру всего-то сколько лет, а ты уже на него глаз положил. Тоже мне, учёный! Ни стыда ни совести!

Деревенские женщины могли уступать Янь Фэнъяню в учёности, зато в искусстве ругаться им не было равных.

Одной этой фразы хватило, чтобы он едва не задохнулся от возмущения.

Покраснев до самых ушей, он выкрикнул:

— Да вы несёте полную чушь!

— Чушь это или нет — сам прекрасно знаешь! Хорошо ещё, что сегодня я вовремя разгадала твои намерения. А то кто знает, до каких зверств ты бы ещё дошёл!.. Ты...

Ли Цяочжэнь не успела договорить, как сверху внезапно выплеснулась целая лохань грязной воды.

Поток с силой обрушился ей прямо на голову, мгновенно промочив до нитки. Она не только вымокла насквозь — волосы и лицо облепили гнилые овощные листья и прочий кухонный мусор.

На крыльце с деревянной лоханью в руках стоял Хэ Цзинь.

— Откуда только взялась эта бешеная псина, что так громко тьякает? Не уберёшься сейчас же

— в следующий раз я прямо помоями с нечистотами обмою!

Хэ Цзинь с детства славился острым языком и вспыльчивым нравом. Тогда он только вошёл в семью Янь и ещё не успел стать сдержаннее. Услышав грязные оскорбления Ли Цяочжэнь, он просто не смог стерпеть.

Её жалкий вид вызвал у собравшихся зевак дружный хохот.

Ли Цяочжэнь и кипела от злости, и сгорала от стыда одновременно. Не найдя другого выхода, она схватила Вэнь Си за ухо и сорвала гнев на нём.

— Всё из-за тебя, маленький ублюдок! Вот вернёмся домой и узнаешь, как я с тобой расправлюсь!

От боли Вэнь Си судорожно втянул воздух.

Когда они уходили, он, плача, тихо сказал стоявшему перед ним Янь Фэнъяню:

— Прости...

Он ведь прибежал просить помощи, а в итоге по его вине на Янь Фэнъяня вылили столько грязи и опозорили его перед всей деревней. Если бы он знал, что всё так обернётся, лучше бы остался дома и позволил Ли Цяочжэнь забить себя до смерти.

Янь Фэнъянь по натуре был добрым человеком. Видя его таким, он только сильнее жалел мальчика. Он прекрасно понимал: стоит Вэнь Си вернуться домой — его снова ждёт жестокая порка.

Он уже хотел что-то сказать, но вовремя остановился.

У него действительно не было на это права.

Мужчина, вступившийся за юного гера и устроивший перепалку с такой скандальной женщиной, как Ли Цяочжэнь... Что бы ни было на самом деле, люди всё равно стали бы судачить.

Именно поэтому эта история так глубоко засела у него в сердце.

Вот почему сегодня в доме семьи Вэнь всегда вежливый и мягкий Янь Фэнъянь говорил так резко и безжалостно.

Прошлое будто вновь ожило перед глазами.

Улыбающееся лицо Янь Фэнъяня словно наложилось на образ того юноши, который когда-то заслонил его собой.

На глазах Вэнь Си вновь заблестели слёзы.

Опустив голову и глядя себе под ноги, он тихо спросил:

— Столько лет прошло... а ты всё ещё помнишь?

— Конечно, — ответил Янь Фэнъянь. — Тогда тебе было всего двенадцать или тринадцать лет. А твоя мать наговорила мне таких вещей... Меня ещё никогда в жизни так не оклеветали.

Разумеется, я это запомнил.

Но помнил он не только собственное унижение.

Он помнил и то, как было жалко Вэнь Си.

Об этом Янь Фэнъянь говорить постеснялся.

После того случая его несколько ночей подряд мучили кошмары. Во сне Вэнь Си, весь покрытый ранами, жалобно полз к его ногам, умоляя спасти. Но что бы Янь Фэнъянь ни делал, Ли Цяочжэнь неизменно утаскивала мальчика обратно домой.

Эта беспомощность тяжёлым грузом лежала у него на сердце и почти превратилась в настоящую душевную рану.

Лишь сегодня, когда он смог открыто и с полным правом забрать Вэнь Си из семьи Вэнь, эта боль наконец исчезла.

Помолчав немного, Вэнь Си сказал:

— Тогда... мама нарочно всё выдумала. Я знал, что ты не такой человек.

Янь Фэнъянь приподнял бровь.

— Правда знал? Тогда скажи, какой же я человек?

В сердце Вэнь Си промелькнуло множество мыслей, но вслух он произнёс лишь одну фразу:

— Ты хороший человек.

Увидев, как осторожно тот подбирает слова, Янь Фэнъянь рассмеялся.

— Я ведь не дурак, меня такими словами не проведёшь. Наверняка в глубине души ты думаешь: «Этот человек совершенно непредсказуем — сегодня одно, завтра другое. Какой ещё хороший? Просто сумасшедший».

Пойманный с поличным, Вэнь Си вспыхнул до самых ушей. Покраснели не только его глаза, но и щёки.

Он тихонько попытался оправдаться:

— Я... правда так не думал.

По крайней мере сейчас.

Сегодня Янь Фэнъянь не только вступился за него, но ещё и вернул десять медяков, которые он так долго и тяжело копил.

И сейчас Вэнь Си действительно считал его хорошим человеком.

Что же касается того, как когда-то Янь Фэнъянь вместе с Вэнь Лю издевался над ним...

Об этом он больше не хотел думать.

Всё хорошее и плохое, что когда-либо произошло между ними, уже осталось в прошлом. Если

бесконечно цепляться за старые обиды, большее станет только ему самому.

Он не хотел, чтобы Янь Фэнъянь и дальше жил с этим грузом, поэтому, сделав вид, что давно всё отпустил, мягко сказал:

— Я знаю... ты изменился к лучшему.

Янь Фэнъянь всё так же улыбался, но в его улыбке теперь смешались горечь и бессилие.

— На самом деле... я никогда не менялся.

Вэнь Си не понял, что он хотел этим сказать.

Янь Фэнъянь не стал всё объяснять, он лишь перевёл разговор на другую тему:

— Мы вернули те десять лянов. Мама и невестка наверняка будут очень рады.

— Конечно, — кивнул Вэнь Си.

Даже вернув свои десять медяков, он расплакался от счастья. Что уж говорить о десяти лянах серебра — это была огромная сумма.

Янь Фэнъянь продолжил:

— Эти деньги я тогда выманил у матери, поэтому должен вернуть их ей все до последнего. А когда сам начну зарабатывать, то всё буду отдавать тебе на хранение.

Вэнь Си даже не смел думать о подобном.

Для него уже само по себе иметь возможность досыта есть было величайшим счастьем. О том, чтобы распоряжаться деньгами семьи, он и мечтать не осмеливался.

К тому же Янь Фэнъянь был всего лишь учёным, которого содержали родители.

Какие деньги он вообще мог заработать?

Он ведь не владел никаким ремеслом, как два его старших брата.

Но если они оба будут только сидеть дома и жить за счёт семьи, это тоже нехорошо.

Может быть... ему, как фулану, тоже стоит попробовать найти способ заработать?

Едва эта мысль появилась, как Вэнь Си сразу же сник.

У него не было ни ремесла, ни образования.

Даже если бы он очень хотел зарабатывать, он не представлял, как это можно сделать.

Вэнь Си, всё ещё погружённый в тревожные мысли, вместе с Янь Фэнъянем вернулся домой. Едва они вошли во двор, Янь Фэнъянь при двух невестках достал серебро и передал его Чэнь Ланьфан.

Именно эти десять лянов он когда-то выпросил у матери, соврав, будто в учебной академии требуется купить какие-то дорогие книги. Кто же мог подумать, что в итоге он отдаст эти деньги Вэнь Лю?

Чэнь Ланьфан ещё даже не успела как следует рассердиться на сына, а деньги уже вернулись обратно.

Она стояла совершенно ошеломлённая. Хотя подобные мысли были вроде бы не к месту, ей казалось, будто на неё прямо с неба свалился огромный подарок.

Ли Вань и остальные тоже были безмерно рады.

Чэнь Ланьфан всегда отличалась щедростью. Если у неё водились деньги, она никогда не скупилась на домашних. Каждый раз, когда две невестки собирались навестить родных, свекровь непременно покупала им хорошие подарки, чтобы они могли достойно показаться в родительском доме и не выслушивать насмешек или пересудов со стороны братьев и их жён.

Янь Фэнъань внимательно наблюдал за выражениями лиц своих домашних, а затем сказал:

— Эти деньги Вэнь Лю когда-то занял у меня. Теперь, когда долг возвращён, между нами больше ничего не осталось. Хотя Сяоси и вырос в семье Вэнь, за всю жизнь он не получил от них ни капли настоящей заботы. Раз уж это дело закончено, нашим семьям больше незачем поддерживать отношения. Впредь будем просто соседями, не более.

Янь Фэнъань примерно догадывался, о чём думают родные. Сегодня он окончательно разорвал отношения с Вэнь Лю, и эти слова должны были успокоить их.

Чэнь Ланьфан уже давно не могла спокойно слышать о семье Вэнь, поэтому сразу же согласно закивала.

Ли Вань же понимала, что как бы там ни было, семья Вэнь всё-таки была родным домом Вэнь Си. Боясь, что ему тяжело на душе, она мягко похлопала его по плечу и утешила:

— Такие родители тебе ни к чему. Отныне мы и есть твоя семья.

Но Вэнь Си вовсе не чувствовал печали.

Ещё в тот день, когда Вэнь Шишань и Ли Цяочжэнь заставили его заменить брата на свадьбе, он перестал считать их своими родителями.

Теперь, когда все отношения с ними были окончательно разорваны, с его души словно свалился ещё один тяжёлый камень.

<http://bllate.org/book/18440/1897207>